

Наше необходимое лишнее

КАЗАЛОСЬ бы, что нам Виктюк и в еще большей мере — что нам его спектакли (говорю так, ибо сегодня Виктюк в гораздо большей мере является фактом нашей городской культуры, чем сами его спектакли — по причине редкости их появления и, наоборот, частоты появления то в одном, то в другом месте самого Виктюка)? Без него, как и без них, прожить можно. Он своего рода манифестированное лишнее, в отсутствие которого жизнь не теряет смысла. А что теряет? Теряет — неповторимость лишнего. В кепках сегодня ходят все, а шляпу с полями, с каким-нибудь еще невообразимо прекрасным, почти что грациозным пером сегодня на улице не встретишь, да и дома у кого такую най-

Роман Виктюк.

дешь? Непрактичные, неудобные для ношения в условиях столичного транспорта, отвлекающие внимание водителей своей красотой, а значит, потенциально способствующие возникновению дорожно-транспортных происшествий, — такие вот шляпы. Таков и Виктюк — хотя, конечно, он еще позакорыстее, говоря неделикатным слогом, и — лучше, конечно. Поскольку, несмотря на весь свой эстетизм и культивируемую искусность, он остается совершенно естественным даже в этой — в блестящих и мишуре — неправде жизни.

Он начинал в Москве «Уроками музыки» Петрушевской, когда потряс искушенную театральную публику «выпаренным абсурдом». А сегодня с трудом удивляет скандальнейшими пассажами маркиза де Сада, сквозь которые проглядывает просветительский пафос самого Виктюка Романа Григорьевича. Человека, который сумел превратить в каждодневный спектакль тексты, записанные на своем домашнем автоответчике, заставить как о событии говорить о новых на нем пиджаках, в связи со спектаклями которого продолжали спорить об эзотеричности,

искусности, преувеличении, «новой чувствительности», едва ли не в наибольшей степени отличает наивная вера в нравственную силу театрального слова. Так и есть. Подобно алхимику, он пытается из разных составляющих выпарить, соединить, получить в итоге ответ на один-единственный вопрос — что такое любовь? Он будет шокировать до тех пор, пока мы не поймем, к чему он клонит и куда, в какую сторону ведет. И некоторые, поняв, теряют интерес к его спектаклям — ах, так он не об этом...

Сегодня «Театр Романа Виктюка» и «Театр Виктюка» — по-прежнему не одно и то же. Второе — это все его спектакли, разбросанные по разным московским площадкам, так и не собравшиеся под одной театральной крышей. И до сих пор «Театр Романа Виктюка» не мешает существованию и развитию «театра Виктюка» — в этом сезоне, говорят, он все-таки выпустит «Месяц в деревне» на сцене «Современника».

Роман Виктюк — такой легкий, не взлетающий — вспархивающий на сцену, — отмечает 60-летие. Меньше всего этот юбилей был нужен ему, и, видимо, поэтому он уехал (спрятался!) во Львов, на малую свою родину. Отмечать юбилей сподручнее тем, кто уже вписался в номенклатуру, а Виктюк, заняв прочное место в колонках светских новостей, своей светской известностью вдобавок ничего не добился. Кроме разве что квартиры в самом центре Москвы, в виду Кремля. Отмечать юбилей — все равно что признать за собой право на нечто упорядоченное и постоянное, занесение на скрижали, определение координат — по оси абсцисс, по оси ординат, а там, глядишь, найдутся умники, которые примутся вычислять функции, тангенсы, котангенсы, накроют тенью от логарифмической линейки, введут в память компьютера и — прощай, б... жизнь.

Язык лишнего так же беден, как и небогатый словарь, необходимый для описания нищеты: спектакли Виктюка называют пряными, изысканными, витиеватыми, томными, чувственными, бессюжетными, партитурными, экстравагантными (остальные 6000 слов любого карманного словаря останутся невостребованными)... Виктюк — наше лишнее, без которого, конечно, жизнь окажется не такой пестрой и многоцветной. Из персонажа театра, фигуры полузапретной он превратился в героя светской жизни и, чувствуя себя в этой жизни легко и радостно, не перестает что-то делать в театре. Среди режиссеров он — самый человечный и доступный. Самый преуспевающий и все же не отвергающий чьих-то жалеющих его слов. Меньше всего ему сегодня хочется слышать о своем возрасте. Как говорится, ругайте за что-нибудь другое. Но поскольку мы причисляем себя к его горячим поклонникам, нам больше не за что его ругать.

Григорий ЗАСЛАВСКИЙ